

❄️ М У Р З И Л К А ❄️

№ 12

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
имени В. И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯ

ДЕКАБРЬ
1 9 6 6

ДЕКАБРЬ

Декабрь — месяц санок и коньков, лыж и снежных игр. В декабрьский вечер, когда за окном гудит метель, хорошо сидеть у светлой лампы и мастерить ёлочные игрушки.

Ваши отцы и матери помнят декабрь другой. Тогда — 25 лет назад — шла война, и враг приблизился к Москве. Фашисты хвалились, что они будут встречать Новый год в нашей столице, а потом разрушат её и место, где был город, затопят водой.

Советские солдаты, рабочие московских заводов храбро защищали любимый город. Фашисты были разбиты, и от Москвы начался победный путь нашей армии до самого Берлина.

В один из летних дней войны автоматчики провели по улицам столицы колонну пленных — их было много тысяч. «Ну вот и посмотрели Москву», — говорили люди, глядя на побитых вояк. После этого выехали поливальные машины и чисто-чисто вымыли улицы.

Когда кончилась война, в Москве был парад Победы. Войны-победители бросили к подножию Мавзолея фашистские знамёна, захваченные в сражениях. А наши красные знамёна гордо развевались над праздничной площадью.

Никогда не будет такого, чтобы Москва покорилась врагу.

ВОЕННАЯ МОСКВА

Немцы под Москвой.
Никак нам не верилось, и не могли мы
поверить, что фашисты войдут в Москву.
Но вот они стоят под самой Москвой.

Идут страшные бои, наши войска защища-
ют столицу.

Однако немцы рвутся к Москве...
На улицах, на бульварах стояла непри-

вычная тишина — в городе совсем не было детей. Их увезли из Москвы заранее, отправили в дальние города, где не падали бомбы.

А над Москвой бомбы падали. Лишь только наступали сумерки, раздавался то скляивый вой sireны. И по радио объявляли:

— Граждане! Воздушная тревога!

Все, кто был на улице, бежали прятаться. Шофёры загоняли свои машины на бульвары, под деревья. Грузовики стояли там, притаившись, словно большие животные, и казалось, что они тоже боятся.

Страшными были тогда ночи. На улицах глубокая тьма, ни одного фонаря, ни одного освещённого окна — окна зашпиёвывались чёрной толстой бумагой, чтобы немцы сверху не увидели огня.

Ровно в десять часов вечера снова начинался налёт. И снова тревожно зывала сирена, и люди торопились в бомбоубежища. Многие шли с подушками, с одеялами, ночевали в убежищах, ночевали в тоннелях метро.

Только замолкнет сирена, как уж слышим — летят фашистские самолёты. Их унавали сразу, у них какой-то зловещий,

воюющий гул. А потом — стрельба, наши истребители встречали их. А потом жуткий, хватающий за душу свист падающей бомбы, удар, взрыв... И так до зари. И всюду летят «зажигалки» — маленькие зажигательные бомбы. Они, падая, ударялись о крышу и тут же вспыхивали и поджигали дома.

Но с «зажигалками» мы справлялись: хватали щипцами — и в песок. Во всех дворах по ночам дежурили — все, по очереди. Кто стоял у ворот и ходил по двору, кто сидел на крыше. Ребята-подростки, которые ещё оставались в Москве, особенно любили сидеть на крышах и доводить «зажигалки». Это было опасно, но в то время как-то не думали об опасности. Хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь, но только бы помочь своему родному городу выстоять в эти трудные, в эти грозные дни.

Л. ВОРОНКОВА

Любовь Фёдоровна Воронкова в тяжёлую пору обороны Москвы написала для детей книгу «Лёгкие дни». В 1942 году книга была издана. Мы печатаем главу из неё.

ФАШИСТЫ ЖИВУТ В ДОМЕ

Расс. О. КОРОВИНА

Заремела калитка, в сенях послышался громкий нерусский говор. У Маринки ёкнуло сердце: «Идут!»

Фашисты, гремя сапогами, вошли в избу. Ни на кого не глядя, они прошагали прямо в чистую горницу и сразу надели на белом полу.

— Матка, комм! — сказали они. — Иди сюда!

Бабушка подошла.

— Здесь будут жить германские зольдаты. Здесь они будут спать. Ты, матка, и пани, и пани, и кинд...

— Какой кинд? — спросила бабушка.

— Вот этот, — немец показал на Ганю и на Маринку по очереди, — вот этот и этот — все будут спать там, кюхе.

— В кюхе?

— Да, да, в кюхе.

— А вот это всё, — немец показал на постели, — это всё — прочь! В кюхе. Убрать!

Солдаты вышли и что-то написали мелом

на двери. Дед попробовал прочитать, но ничего не понял, разобрал только цифру 8. — Это значит восемь человек сюда, — догадался Ганя.

— Забирайте свои вещи из горницы, — сердито сказала бабушка, — теперь горница-то, оказывается, не наша! Вишь, новые хозяева явились. Не возли, не строили — дом нажили. А мы теперь вроде собак, мы и у порога можем!

Маринка забрала из-под лавки своих кукол. Под лавкой у них была очень хорошая комната — с занавесками, с картинками. Там стояли у них деревянный столик и кровать, покрытая пёстрым одеяльцем. Маринка сняла занавески, связала в узелок всю мебель и вынесла в кюхню.

— Бабушка! А где же теперь мои куклы спать будут?

— Вот ещё, с куклами! — закричала бабушка. — Сунь вон их под печку. Спроси, где ты сама-то спать будешь!

Бабушка сняла со стен платья и поло-

тенца, мать собрала с постелей одеяла. Всё вынесли в кюхню и сложили на лжанку.

— Как беженцы всё равно! — сказал Ганя.

— Типун тебе на язык! — ответила бабушка. — Наклещешь ещё новую беду!

Заскрипел на улице снег, застучали каблуки по ступенькам крыльца, послышался голоса...

— Вот они, — буркнула бабушка. — Встречайте гостей!

Вдургу из сеней выскочил Кудряш и залаял во всю глотку. Мать поспешно вышла.

— На место, Кудряш, на место!

Маринка бросила своих кукол и тоже выскочила в сени. Возле крыльца стояли немцы. Один из них поднялся по ступенькам. У него на петлицах был отчётливо виден зловещий значок — череп и кости. Это был какой-то начальник, может быть офицер. Кудряш метался возле двери, шерсть у него на загривке встала дыбом, он злился, лаял и бросался на офицера, не обращая внимания на окрики.

Офицер не спеша вынул из кобуры револьвер. Маринка охнула и выбежала на крыльцо.

— Молчи, Кудряш, молчи, дурак! — закричала она. — Перестань!

И, схватив Кудряша за длинную шерсть, потащила его к себе.

— Он не тронет, он вас не тронет, — поспешно заговорила Маринка. — Не убивайте его! Ведь он просто глупый!

Офицер поглядел на Маринку, и в его серых глазах блеснула холодный огонёк.

Он ткнул дуло револьвера Кудряшу в широкий лоб, в самую лобжину. Хлопнул выстрел. Кудряш звизгнул, ткнулся носом в морозные доски и замолк. Офицер, стодкнув его ногой с крыльца, прошёл в избу. Маринка закричала.

Солдаты и ефрейторы прошагали за офицером. Один солдат с чёрными, выпуклыми, как у рака, глазами подмигнул ей и сказал:

— Кудряш — канут?

А Маринка громко рыдала над своим милым Кудряшом.

— Бедный ты мой, — причитала она, — бедный-кий ты мой, бедный-кий!

Мать молча сошла с крыльца, схватила Маринку за руку и увела в избу.

А Кудряш так и остался лежать у крыльца на высоком сугробе.

Странные, жуткие начались дни. Немцы жили в горнице, спали на хозяйских кроватях и с утра до вечера топчили маленькую печь-голландку. Большую печь в кюхне тоже приходилось топить и утром и вечером: утром немцы варили себе завтрак, а вечером ужин. Маринке казалось, что стало душно жить. И от жары душно, и от хлопот, которыми были заняты целый день мать и бабка, и от тесноты,

и от какого-то тягостного чувства, которое томилло её и которого она не могла понять. Немцы в первый же день, как только сбросили с плеч шинели, сейчас же потребовали горячей воды для мытья, горячей картошки на ужин и гвоздей.

— Цвай гвозди! — сказал один, выходя на кухню, и показал Гане два пальца.

Ганя достал ящик с гвоздями и подал ему два. Тут же вышел другой и показал три пальца:

— Мне драй гвозди!

Ганя дал.

Потом снова вышел первый — ему ещё надо было «фир гвоздей», потом ещё «цвай». Они набрали в горнице гвоздей во все стены — и возле печки, и над столом, и над кроватями. На этих гвоздях развесили немцы походные сумки, фляжки, свои широкие нескладные шинели. От шинелей по белым обоям растекались тёмные сырые пятна.

— Все обон изуродовали, — ворчала бабушка. — Ишь принесло чертей!

Когда сварилась картошка, вышел толстый ефрейтор и что-то приказал бабушке. По-русски он говорит совсем не умел и старался жёсткими объяснять, что ему нужно. Бабушка не понимала, он сердился, краснел от раздражения и во весь голос выкрикивал свои немешкие фразы. Бабушка, наконец, тоже рассердилась.

— Чего тебе надо, говори толком, — крикнула она, — чего ты мне там немтуеешь?

— Замра! Замра! — сердясь всё больше, кричала немка.

Бабушка обвела всех беспомощным взглядом.

— Анушка! Да что он ко мне привалялся? Ну пойми хоть ты, чего ему надо!

К ним подошёл другой немец, шофёр офицерской машины.

— Самуа, — объяснил он, — самуа! Ферштейн?

И похлопал рукой по самовару.

— Самовар! — догадалась бабушка. — Ну так бы и говорил, рыжий бес! А то орёт...

— Не ругайся, что ты, — шепнула мать, — стукнет ещё!

— А что он, понимает, что ли, фашист проклятый! Не люблю, пусть не слушает, мы их сюда не звали. Замра несчастная!

Чтобы не быть дома, Маринка с утра убежала на улицу. Но и там было несладко. Каждый день приносили новые несчастья. Старуху Настасью Рогожкину немцы выгнали из дому: им показалось, что она жалеет дров и рано закрывает печку. Настасья целый день, как бесприютная собака, ходила вокруг своей избы. Несколько раз поднималась она на крылечко и открывала дверь в свою избу, но из избы выскакивала немец и, громко ругаясь, пинками гнал её обратно.

У Турчановых выгнали из дому ребятишек. Ребятишек у них было шесть человек, и все маленькие. Не понравилось это немцам — и тесно им и спать не дают... Выгнали их на улицу, кто в чём был. Мать бросилась было за ними, но ей пригрозили нагапом и приказали остаться, чтоб она топилла печку и убиралась в избе. Сергушка, самый маленький, уцепился за мать и начал реветь. Тогда солдат, стиснув зубы, схватил его за руку и пихнул прямо в сугроб. Ребятишки Турчановы стояли среди улицы, дрожали. Хорошо, что Мария Петрова вышла и забрала Турчановых ребятишек к себе, а то бы, пожалуй, им не дообзавать. У тётки Марии кухонька маленькая, отдельно от горницы; туда немцы не заходили. Маринка видела всё это и сама плакала.

Ганя был угрюм и задумчив и старался держаться поближе к деду. Он помогал ему разгребать снег во дворе, колол с ним дрова, укладывал поленицу. Ганя видел, что дед шибко затужил — таким он стал молодчавым, таким понурым. Гане хотелось его как-нибудь утешить, только он не знал таких слов, которыми утешают. Но дед и без слов очень хорошо понимал его.

— Дров-то, дров-то что жгут! — сокрушался дед. — Да всё сушняк выбирают. На год нам хватало бы... А тут, вишь вот, всё прахом пошло.

Дед, словно чужой, боялся войти в свою избу. Он как входил, так и присаживался у порога и сидел там тихонько весь вечер.

Однажды Маринка вспомнила, что у неё в горнице осталась коробка, очень хорошая коробка с красным цветком.

«Пойду возьму», — решила она.

Но только она открыла дверь и переступила порог горницы, толстый ефрейтор с удивлением приподнял брови.

«Фор! Фор!» — негромко сказал он и, повернув Маринку за плечи, вытолкнул её из горницы.

Вечером, когда они все трое — Маринка, Ганя и дедушка — ютились возле печки, Маринка сказала потихоньку:

— Дедушка, знаешь что? А ведь бабушка-то правду сказала: горница ведь теперь не наша. Ведь у нас теперь горницы нету.

— Не только горницы у нас нет, внучка, — ответил дед, — но и дома у нас сейчас нету... Ну, да что ничего! Не навек мы им достались. Вот придут наши да так ударят, что эти проклятые вылетят отсюда без огня. И дорогу забудут, как в Россию ходили! Никогда того не бывало, чтоб русский народ на своей земле врага терпел!

СНЕГА, ПОДНИМИТЕСЬ МЕТЕЛЮ!

Л. ЖАРИКОВ

Это было ранним розовым утром шестнадцатого ноября... Бушевала война. День и ночь от Мурманска до Кишинёва гремели орудия, мчались громадные танки и становилась опасней, и густой дым от них валил в небо.

Шла невиданная в истории земли кровопролитная битва. Немцы рвались к Москве. Столице Советского Союза грозила смертельная опасность. К ней стянулись отборные фашистские части.

Далеко на подступах к Москве, на пустынном разъезде Дубосеково, в запорошенном снегом окопе сидели двадцать воинов бойцов дивизии генерала Панфилова.

С завыванием, треском рвались мины, свистели осколки. Синеватый дым усталая всё вокруг. Земля покрылась чёрной копотью, словно её посыпали сажей.

Клочков смотрел в бинокль в сторону деревни Жданово и вдруг сказал:

— Ребята, лапти топают... Пять штук. Да ну?

Вдали медленно ползли пять танков.

Подходят к нашему миному полю, — говорил Клочков, глядя в бинокль, — стой, один подорвался. Эх, повернули!

Рис. А. ИТКИНА

— Ну, так я и знал, — с огорчением произнёс Бондаренко.

Вдруг Шапоков шепотом проговорил:

— Товарищ политрук, товарищ политрук, смотрите.

Но Клочков глядел в сторону деревни и, казалось, ничего не слышал.

— Товарищ политрук, автоматчики.

Все обернулись. Слева в небольшом лесочке перебежали от дерева к дереву немецкие солдаты. Поблещивали глубокие зелёные шлемы. Немцев было человек сто. Видимо, они хотели зайти в тыл разьезда.

— Пулемёты к бою! — приказал Клочков. — Чтобы ни один не ушёл, — а сам продолжал смотреть в бинокль.

Немцы двинулись осторожно, пригнувшись, взяв наизготовку автоматы, и, казалось, были удивлены, что на разъезде никого не видно. Они осмелели и стали громко разговаривать. В это время застрочил пулемёт Щепеткова. Немцы смешились, загорлалили, бросились бежать.

Атака была отбита. Бойцы достали кистеты и, смеясь над немецкими автоматчиками, начали свёртывать цигарки. Только один Клочков пристально смотрел в сторо-

ну немецких позиций. Вдруг он опустил бинокль и голосом, полным тревоги, сказал:

— Товарищи, идут танки... Много.

— Вот это дело! — воскликнула Бондаренко, раскладывая перед собой на брус- вере гранаты. — С музыкой встреми-

Бойцы спрятали кистеты, разошлись по местам. Клочков побежал в командирский окоп, позвонил в штаб.

— Кто говорит? — спросил полковник Копров.

— Политрук Клочков докладывает...

— Вот что, Клочков, вы знаете, сколько километров до Москвы?

— Так точно, товарищ полковник, знаю!

— Всё. Генерал-майор приказал — назад ни шагу. Бой идёт по всей линии. Держитесь. Надеюсь на вас, товарищ политрук.

Клочков вернулся к бойцам и сказал с суровым спокойствием:

— Друзья... Отступать некуда, позади Москва... Встретим врага, как подобает гвардейцам...

...Танки шли развёрнутым строем в километр шириной. Обошли миное поле и стремительно помчались на окоп. Вот они уже хорошо видны. Выкрашенные в цвет осенних листьев, немец, суживая фронт.

— Давай, давай, немец, давай, — проговорил Петренко, сжимая гранату.

Бойцы глубоко нагнувшись каски, ждали. Танки стали бить из пушек.

— Вдали мы такие страхи, — сказал Бондаренко.

Танки приблизились метров на четыре-ста. Клочков махнул рукой.

— Огонь!

Раздался залп противотанковых ружей. Кто поднял первый танк, сказать было трудно, он словно споткнулся, неуклюже накренился и стал боком, загорюндя дорожку. Идущие сзади, грозно рыча, обходили его, стреляя на ходу из пушек.

Косаев и Щепетков поливали танки брошенными пулями. Вот ещё одна жёлтая машина, рывкнув, остановилась. Задумалась третья, остальные мчались. Снаряды стали ложиться вокруг окопа — нельзя было поднять головы. Осколком ранило бойца Максимова. Косаев торопливо перевязывал его, а тот кричал:

— Скорее перевязывай, чего тянешь!

Танки приблизились метров на двести и стегнули по окопу из сорока пулемётов. Упал Есбуглатов. Кто-то застался в другом конце окопа. Косаев бросился было туда, но разорвался снаряд, и его ударило о стену взрывной волной. Шатаясь, он поднялся и увидел скражённого Петренко. Сквозь пробитую каску текла кровь. Бледные губы шептали:

— Поднимите меня, я не хочу умирать, не хочу...

Косаев обнял друга за плечи и, сдерживая слёзы, сказал:

— Вставай, немцев бить будем, — но голубые глаза Петренко медленно закрылись. Уже горело пять танков, два стояли недвижимо. Но семнадцатый, язвотая гусеницами, надвигался неминуемо. Вот они уже совсем рядом, сейчас наедут, раздавят.

— Бей, гвардейцы, бей, — кричал Клочков, — уже немного осталось!

Ясно видны чёрные кресты на башнях танков. Страшной лавиной мчатся они на окоп.

— Гранаты! — скомандовал Клочков, и девятнадцать гранат полетело в танки. Рвануло! Ослепительно сверкнуло пламя, четыре танка вспыхнули зеленоватыми кострами. Остальные резко затормозили.

— Бойтесь! — выкрикнул Бондаренко. — Слабо!

Но уходящие уже танки загребали орудийными выстрелами. Как жабы, сидели они возле окопа и плевали в бойцов защитными снарядами. Всё запылало вокруг.

Из подбитых танков вылезали фашисты и под прикрытием сплошного огня своих пушек ползли к смеячкам.

— Русс, сдавайся! — кричали они.

Снаряды немецких танков рвались всё ближе. В комья разлетелся окоп. Стонали раненые.

— Держитесь, ребята, — подбадривала Клочков боевых друзей. — Кроши немчуру, уже носом штурк осталось. Бей их! Сейчас сам Панфилов сюда придёт!

Вдруг все увидели, как взлетел вверх вместе с пылью пулёмёт Шепеткова. Политрук подбежал к тому месту. Из-под груды земли поднялся боец. Бледное лицо было испачкано землёй, но он посмотрел на Клочкова и улыбнулся.

— Понимаешь... оглушили... — виновато проговорил он.

— А сам-то цел?

— Пулёмёт... Как же без него? — твердил Шепетков. И вдруг схватил гранату и выскочил на бруствер окопа.

Назад! — кричала Клочков, но тот уже был возле танков, размахнулся, чтобы метнуть гранату, но изогнувшись, припал на колени и с гранатой в руках стал медленно кланяться к земле. Подбежавший Шаповков подхватил его, втащил в окоп.

— Друг, не умирай, слышишь?

Он снял с Шепеткова фуфайку.

— Аликбар, где Аликбар, дайте бинт!

Шепетков чуть открыл глаза и снова закрыл их. Потом глубоко и облегчённо вздохнул и проговорил тихо, ласково:

— Не надо плакать...

И затих. Политрук опустил перед ним на колени, поцеловал Шепеткова и, грозный, неистовый, поднялся.

— Товарищи, а ну, кто живой, ко мне!

Подбежав к убитому Калейникову, лёг за его противотанковое ружьё, но вдруг увидел второй эшелон танков. Тридцать штук их шло сомкнутым строем. Они торопливо обходили свои горящие танки.

Политрук оглядел окоп: глиняные стены обрызганы кровью, лежат, раскинув руки, бойцы. Только прижался к своему противотанковому ружью невредимый Бондаренко и ведёт огонь. Ещё живы Дутов, Шадрин, Косаев. Ещё стреляют Кашабертенов, Митин!

— Товарищи! Да здравствует Москва! — сказал Клочков. — Придётся нам всем умереть, наверно.

Но вот и Бондаренко схватился за грудь. Схватил пальцы у него сочилась кровь...

— Кажется, помираю. Давай поцелуемся, Клочков. Не знал я, что есть такие герои, как ты. Прощай, Вася...

Стиснув зубы, Клочков вылез из окопа, встал во весь рост, подняв вверх гранату. Вслед за ним выскочил Косаев, обогнал Клочкова и кинулся наперерез танку. Метнул гранату, схватился за вторую, висевшую у пояса, но что-то отяжелела голова, и он упал.

Фашистский танк раздавил Анянэва, рыбака с берегов синего Иссык-Куля, упал Натаров, сражённый пулёмётной очередью врага.

— Алма-Ата моя, Москва моя! — шептал Косаев.

Клочков, истекавший кровью, метнул гранату в ближайший танк. С визгом рванулась гусеница. Высоко взметнулся к небу чёрный фонтан земли и дога, медленно оседал над полем битвы...

Когда опустилась ночь, тихо было на разьеде. Бледная луна озарила окоп, убитых, опрокинутые пулёмёты. Дымилась шпала у насыпи, тлели обугленные берёзы, в вечном забытии лежали мёртвые богатыри. А вдали стояла Москва, нерушимая и грозная, великая и прекрасная, спасённая смертью своих сыновей...

Поднимитесь же, снега, метелью! Мчись, ветер, над великой и печальной русской землёй! Разжигай пламя народного гнева!

Будет жить русская земля! Вечно будут жить на земле те, кто любил жизнь и пал смертью храбрых во имя её!..

ПЕРВЫЙ САЛЮТ В МОСКВЕ

Со всех сторон —
С Тверской, с Неглинной,
Над площадями, над Арбатом
Они металась стая длинной
И в темноту неслись куда-то.

Агния БАРТО

Когда впервые над столицей
Салют раздался громовой,
Неслись испуганные птицы
Над освещённой Москвой.

СМЕЛОСТИ УЧИТЬСЯ У РАЗВЕДЧИКА, ОСТОРОЖНОСТИ — У МИНЁРА.

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

Впервые небо разгоралось,
Река сияла серебром...
Наверно, птицам показались:
Весна в Москве! Весенний гром!

К Москве суровой, затемнённой
Давно привыкли и они.
И вдруг огни над Малой Бронной,
И над бульварами огни.

МЕТКОСТИ — У НАВОДЧИКА, ТВЕРДОСТИ — У ЛЁТЧИКА, СМЕЯЛНЕ — У ПАРТИЗАНА.

В. КОРКИН

Всех растапливает дядя,
Лезет, под ноги не глядя,
Поглазеть на бегемота
Дяде этому охота.
Встал у клетки и стоит,
Словно в зеркало глядит.

ЗАГАДКИ

Виктор МУСАТОВ

Что за коняшки —
На всех тельняшки —
(ч д р е л)

На реке домок,
Из трубы дымок.
(ч о х о д е ц)

Елена БЛАГИННА

КРИКСА И ТИШЕНЯ

Жили-были две сестрицы. Одну звали Крикса, а другую — Тишеня.

У Тишени глаза ясные, и в них разум светится. И у Криксы ясные глаза, да пустоваты — не светится в них разум.

Тишеня сначала подумает, а потом слово скажет. Оттого речь её всем приятна.

А Крикса — бряк-бряк — наговорит с три короба, а что к чему — не поймёшь.

Тишеня, прежде чем сесть поесть, спросит — все ли ели? А поевши, крошки птицам кинет, кошке супцу плеснёт, собаке косточку даст.

А Крикса — хап-хап — схватит что покуснее и была такова: чашки не помест, спасибо не промолвит.

Тишеня дверь затворяет — проверяет, не идёт ли кто сзади, не ушибить бы! Да и громыхать попусту не хочет — и так шуму на земле много.

А Крикса — грох-грох! Прохожие — ох-ох! Но ей и горя мало: «Подумаешь, нежности какие!»

В электричке ли едут к делу с бабкой на праздник, Тишеня сидит у окна. За окном — солнце! Берёзки разбегаются-плывут, косицы машут. Тропинка выёс-петает. Вот бы побегать по ней — далеко-далёко! Вдруг Царену-Лягушку встретишь у болотца... Или Дюймовочку!

А Крикса — трень-брень — стишки читает, песни поёт, никому покоя не даёт. Только мать с отцом рады: «Хороша дочка! Забавница!»

Рос. Е. МОНИНА

ЗАВИДУЮТ

Виктор ПОПОВ

От белых скал невдалеке
В просторных сумках на брюшке
Уже который день подряд
Катают мамы кенгурят.
А маленькие ансты
Стоят ревут от зависти.

Дорогие ребята!

В журнале мы печатаем рисунки о том, как наш народ боролся за свободу. В сентябре напечатан рисунок «Восстание Ивана Болотникова», в октябре — «Народный герой Степан Разин», в ноябре — «Батыр Салават», в декабре — «Устин Кармалюк».

В новом году мы напечатать ещё 11 картин. К большому празднику — пятидесятилетию Великого Октября — вы можете сделать из них выставку в классе или в пионерской комнате.

Тишеня по улице идёт — приглядывается: не обижает ли большой малого, не заблудилось ли дитя, не страшится ль слепец перейти дорогу?

А Крикса — тук-тук каблучками, нос задерёт, ать-два — вперёд! Горда, спесива, мол, я ль не красива?! Вот выросли сестрицы, обучились, пошли работать.

Тишеня работает не скоро, зато споро. А Крикса — тят-ляп — готова!

Получили сестрицы первую получку.

Тишеня домой пришла, отцу-матери поклонилась и говорит:

— Спасибо вам, родные, что вы меня в люди вывели. Теперь пришёл мой черёд об вас заботиться...

И выложила все денежки — до копейки.

А Крикса получку схватила, в кулак зажала, в лавку побежала. В лавке — давка, гам, толчея.

Крикса на месте прыгает, локтями двигает:

— Я! Я! Очередь моя!

Накупила духов-помидов, платков-косынок, носков-ботинок. Прибегает домой:

— Фу-у, устала!!

Разложила покупки, мажет губки, примеряет юбки:

— Ну что — какова?!

Отец с матерью друг на дружку глядят, диву даются: как это на одной яблоньке такие разные яблочки уродились?

Чудеса!

УСТИМ

КАРМАЛЮК

Рис. В. ЛОСИНА

Не утихали крестьянские волнения и после подавления пугачёвского восстания. Они вспыхивали и в середине России и на её окраинах.

Более двадцати лет возглавлял борьбу украинских крестьян против помещиков народный герой Устим Кармалюк.

Родился он на Украине в семье крепостного крестьянина. Когда мальчику исполнилось семь лет, помещица заставила его работать на барском дворе. Трудно жилось маленькому Устиму. Помещица часто наказывала его за то, что он не хотел быть доносчиком. А когда стал взрослым, помещица за непокорность отправила его в солдаты.

Солдатская служба тогда была тяжёлой и продолжалась двадцать пять лет. Уходил из дому молодой человек, а возвращался почти стариком.

Устим бежал из полка. Вернулся в родное село, собрал отряд из крестьян, таких же смирняков, как и он сам, и стал громить и жечь помещичьи усадьбы, а захваченное добро раздавать бедным.

Устима Кармалюка много раз арестовывали. Сажали в крепости или ссылали в Сибирь. Но он всегда убегал и снова появлялся в родном краю, собирав отряды.

Крестьяне любили его. В их домах он находил пристанище, с ним делились последним куском хлеба.

На рисунке изображён отряд Кармалюка на привале.

Врагам удалось заманить Кармалюка в засаду и убить. Произошло это в 1835 году.

Боевые товарищи его продолжали громить имения, и тогда в народе родилась легенда, будто жив сам Кармалюк.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОЙДЁТ В ШКОЛУ В БУДУЩЕМ ГОДУ

Глава первая

Аля сидела за письменным столом и пыталась написать письмо маме. Буквы были в этот день какие-то совсем непослушные, они не строились в слова, не брались за руки, точно были друг с другом в ссоре. Аля никак не могла с ними справиться.

Вдруг прямо на середину страницы выбежала буква «А». Она задыхалась, размахивала руками и что-то кричала.

— Что случилось? — спросила Аля. — Ну, рассказывай же!

Буква «А» уселась на строчку, вытерла пот со лба и заговорила:

— Кляксич! Меня выгнал Кляксич!

— Кто это такой?

— Как же! Ты разве не знаешь?

— Ничего не знаю, — ответила Аля.

— В Азбуку пробрался Кляксич. Он командует буквами. Он ссорит их друг с другом. Он решил выгнать их из Азбуки всех до одной и заменить своими родственниками — кляксами. Меня он уже выгнал, и теперь на моём месте стоит жирная чёрная клякса — его племянница! — Тут добрая трудолюбивая буква «А» расплакалась.

— Всё это ужасно, — сказала Аля. — Но ты всё-таки успокойся. Нельзя же уступать. Надо бороться!

— Что мы можем сделать? — возразила буква «А». — Ты ведь даже своё письмо к маме не сможешь подписать! Кляксич, когда узнал, что ты пишешь письмо к маме, расхвастался: «Букву «А» я уже выгнал, букву «Л» я посажу в тюрьму, а букву «Я» так запрячу, что её никто не найдёт. Как тогда Аля подпишет своё письмо к маме? Я хозяйин Азбуки!»

Аля задумалась. Подписать пись-

мо к маме без нужных букв она в самом деле не сможет. А если не подписать, то как мама узнает, кто написал ей письмо?

— Придумала! — вдруг закричала она.

— Что, что? — нетерпеливо спросила буква «А».

— Вот что! Я сейчас возьму резинку. Папину. Чернильную. И мы с тобой отправимся в Азбуку, разыщем Кляксича и сотрём его. Правильно?

— Ещё как правильно! — обрадовалась буква «А».

Взявшись за руки, Аля и буква «А» направились прямо в Азбуку.

У самых ворот в Азбуку дорогу им преградила буква «Б». У неё через плечо висела на ремне огромная корзина.

— Будете брать бублики? — спросила она.

— Да какие там бублики, — запротестовала буква «А». — У нас важное дело. Пропусти нас, пожалуйста!

— Бросьте, — сказала буква «Б», не трогаясь с места. — Берите белые бублики и баранки. Быстрее.

Буква «Б» была такая толстая, что Аля и буква «А» вместе не смогли бы с ней справиться. Пришлось покупать бублики. Они купили их целую строчку, вот такую:

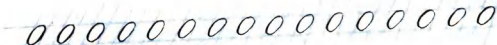

Но буква «Б» по-прежнему загоразживала им дорогу и только покрикивала:

— Больше! Больше!

Но у них не было больше свободной строчки. Бублики просто некуда было класть.

Уважаемые читатели, берите скорее карандаши и купите у «Б» бубликов, кто сколько сумеет, иначе Аля и буква «А» просто не попадут в Азбуку — и всё, а какие несчастия от этого могут произойти, вы сами знаете.

Глава вторая

Ну, наконец-то буква «Б» отступила. Аля и буква «А» вошли в ворота. За воротами зеленел лужок. На траве паслись двоеточия. За ними, щёлкая кнутом, ходил вопросительный знак.

— Ты не видал Кляксича? — спросила у него буква «А».

— Кляксича? — Вопросительный знак почесал в затылке. — Как же! Кляксича-то видел. Он уехал на поезде. Куда? Откуда мне знать? — И вопросительный знак посмотрел на них вопросительно.

У этого пастуха толку не добьёшься. Скорей на вокзал!

На вокзале буква «В» в кондукторской фуражке с красным доньшком покрикивала на пассажиров:

— В вагоны! В вагоны! Входите в вагоны! Вы в восьмой вагон? — спросила она у Али. — Ваши вещи?

Странно, что она просила предъявить вещи, а не билеты. Но Але некогда было удивляться. Она предъявила строчку с бубликами.

— Великолепно! — почему-то обрадовалась буква «В».

Только они вошли в вагон и отыскали свои места, как поезд тронулся. Они уселись поудобнее. Колёса застучали по рельсам. За окнами замелькали домики и деревья.

Но вдруг поезд со скрежетом затормозил и остановился. Пассажиры высыпали из вагонов. Какой ужас! Дальше пути не было! Вчера здесь был ураган и был ливень. Дома все смыло, деревья свалило, шпалы унесло. Пока тут всё приведут в порядок, Кляксич натворит бед и сам скроется.

Буква «А» тут же впала в отчаяние. А Аля весело сказала:

— Ты опять забыла, что у нас есть читатели. Они нас выручат из беды! За работу, дорогие читатели! Все на ремонт путей! Укладывайте шпалы! Заодно почините домики и насадите побольше ёлочек, дороге нужна лесозащитная полоса!

Продолжение в январе 1967 года.

ПЯТНАДЦАТЬ СОБАК

Ю. КОВАЛЬ
Рис. Л. СЕРГЕЕВА

Не пью я вина,
Не курю я табак,
Зато я имею
Пятнадцать собак.
Встаю спозаранку —
Часы и пиджак
Приносят к кровати
Пятнадцать собак.
И я улыбаюсь
И песню пою,
Пятнадцать кусков
Колбасы
Достаю.
Мои дорогие
Барбосы и псы
Весьма уважают
Кусок колбасы.
Бывало, друзья
Говорят мне:
— Чудак!
Зачем тебе
Сразу пятнадцать собак? —
А я отвечаю:
— Скажу не тая:
Люблю я собак,
Дорогие друзья!

Не пью я вина,
Не курю я табак,
Зато я имею
Пятнадцать собак.
Встаю спозаранку —
Часы и пиджак
Приносят к кровати
Пятнадцать собак.
И я улыбаюсь
И песню пою,
Пятнадцать кусков
Колбасы
Достаю.
Мои дорогие
Барбосы и псы
Весьма уважают
Кусок колбасы.
Бывало, друзья
Говорят мне:
— Чудак!
Зачем тебе
Сразу пятнадцать собак? —
А я отвечаю:
— Скажу не тая:
Люблю я собак,
Дорогие друзья!

ЧУДЕСНАЯ БАБОЧКА

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. Н. УСТИНОВА

Мои друзья получили однажды из далёкой Бразилии маленькую посылку. В посылке были всякие диковинки: коллекции красивых бабочек, засушенные цветы, семена растений, всякие удивительные лесные закоулки.

Всем известно, что Бразилия — страна чудес. В бразильских непроходимых лесах водятся диковинные звери и птицы. Над яркими цветами летают огромные красивые бабочки, порхают крошечные птички — колибри. На берегах реки Амазонки, в тропическом лесу на высоких деревьях живут весёлые крикливые обезьяны, с берега на берег широкой реки перелетают стаи разноцветных попугаев. А в самой реке живут редкостные рыбы и черепахи; путешественники не раз видели огромных водяных змей, способных опрокинуть даже большую лодку.

Кроме коллекций засушенных бабочек и насекомых, в посылке лежала коробочка с куколкой какой-то неизвестной бразильской бабочки. Друзья мои повесили на стену под стекло коллекцию бабочек, разложили по полкам присланные диковинки, а коробочку с куколкой бабочки поставили на маленький столик у окна. О куколке бабочки скоро забыли.

Пришла весна, наступило тёплое лето. Друзья мои живут по городом на даче под Ленинградом. В июне месяце, когда пригрело солнышко и расцвела сирень, маленькая дочка моих друзей Наташа увидела огромную бабочку, спокойно сидевшую у окна на маленьком столике. Бабочка эта, несомненно, вывелась из куколки, о которой хозяева забыли.

Никто не знал, что делать с бабочкой, как и чем её кормить. Маленькая Наташа побежала в сад, нарвала большой букет цветущей сирени, принесла его в комнату и посадила бабочку на живые душистые цветы. Ей пришлось в голову обрызгать цветы сладкой сахарной водою. Все увидели, как бабочка развернула длинный тонкий хоботок и стала сосать с цветов сахарную водицу. Так бабочка несколько дней жила в комнате моих друзей и Наташа кормила её.

Однажды в ясный солнечный день кто-то неосторожно распахнул окно, и пригретая солнышком бабочка радостно вспорхнула и вылетела на свежий воздух. С громким криком «Бабочка, бабочка!» Наташа выбежала на крыльцо, и все увидели, как чудесная бабочка стала подниматься всё выше и выше. Она взлетела над макушкой зелёной яблони, над крышей соседнего дома и исчезла, как бы растаяла в голубом чистом солнечном небе.

Все долго вспоминали и жалели чудесную бабочку, а больше всех горевала и плакала маленькая Наташа.

Два маленьких мальчика
Лет двадцать назад
Пришли на рассвете
В недельный детсад.

Как мальчиков звали —
Я вспомню едва ли,
К тому же
Для стихотворения
Сие не имеет значения.

Случайно
Их рядышком встали кровати,
И рядом
Их вешалки были для платья,
И в паре гуляли они
Честь по чести,
Как будто росли они вместе
Лет двести!

Вдруг первый заметил,
Что мальчик второй —
Во всём молодец,
Лишь в одном не герой:
Он долго одеться не мог
Спозаранку —
Рубашку всегда
Надевал наизнанку,
Левый ботинок —
На правую ногу,
Правый ботинок —
На левую ногу.
И так разодел
Отправлялся в дорогу!

Он вечно с одеждой своей
Воевал...
Зато он отлично, друзья,
Рисовал!
Когда он, бывало,
Сидит и рисует,
Казалось другим,
Что мальчишка
Колдует!

Послушны ему
Были кисти
И краски —

Он так рисовал,
Как волшебники в сказке.

И вдруг этот мальчик
Заметил однажды,
Что первый мальчишка
Рисует неважно:

Рисунки его
Получаются грязно,
Ну просто рисует сосед
Безобразно!

Отлично он утром
Штаны надевал,
Зато отратительно
Рисовал!

СЛУЧАЙ В ДЕТСАДУ

Ю. КОРИНЕЦ Рис. В. ПЕРЦОВА

Тут первый сказал:
— Надо нам постараться!
Давай друг над другом
Не будем смеяться —
Тебя научу я
Штаны надевать,
А ты меня будешь учить
Рисовать!

— Согласен! —
Ему отвечает второй. —
И будем стоять
Друг за друга
Горой!

Случайно подслушал я
Их разговор.
Так стали друзьями они
С этих пор:

Один научился
Справляться с одеждой,
В рисунках другой
Не остался невеждой.

Вам ясно, конечно,
Что весь детский сад
Был этому случаю
Искренне рад.

...Забыл я со временем
Номер детсада —
Пожалуй, и знать нам
Тот номер не надо;
Совсем позабыл я,
Как мальчиков звали, —
И это значение имеет
Едва ли.

Другое, ребята,
Имеет значение,
О чём и написано
Стихотворенье:

Хоть были друзья
От горшка два вершка —
Зато у них дружба
Была велика!

ПОМНИ БИТВЫ ЗА СВОБОДУ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ
В 11-М НОМЕРЕ

1. На первом рисунке изображён штурм Зимнего дворца. Это было в Петрограде (теперь город Ленинград) в 1917 году.
2. Броневик, с которого выступал Владимир Ильич, сейчас стоит около музея В. И. Ленина в Ленинграде.
3. Крейсер называется «Аврора».

Ребята!
Напишите рассказ по этой картинке.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

Исполнилось семьдесят лет Нине Александровне Емельяновой, известной советской писательнице, члену редколлегии нашего журнала.

Нина Александровна не сразу стала литератором. Далеко от Москвы, на берегах сибирской реки Маны, в глухой тайге началась её трудовая жизнь, жизнь геолога-поисковика.

Геологу отдыхать некогда, считанные минутки остаются перед сном. И эти минутки у Нины Александровны заняты: она ведёт дневник. Записывает, что случилось за день, с кем встретилась, о чём поговорила. А встреч много. Сегодня охотник рассказал, как надо стрелять белку, завтра рыбаки показали новую сеть, угостили ухой. Лесорубы встретились. Люди всё трудовые, суровые. На севере слабый да ленивый не проживёт. Много встреч, много страниц написано. И вот первая книга — повесть «Заманщина», очерки о людях, населяющих края за рекой Маной. Потом идут военная повесть «Хирург», прекрасные рассказы «Четыре весны», «Весьегонские любители». Это всё для взрослых.

Пишутся рассказы и для детей. В пятидесятые годы выходит повесть для детей

«Родники». Вскоре вторая повесть — «Родной дом».

Книги Н. Емельяновой любимы читателями. В 1956 году её наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Мы поздравляем с днём рождения нашего дорогого друга и сотрудника, мужественного и сердечного, как её герои, писателя Нину Александровну Емельянову.

Е. ЕРШОВА

СИРОТКА

Иван КОСТЫРЯ

Чёрную собаку Жучку, сторожа колхозной отары, заели волки. Остался маленький слепой щенок. Он был похож на свою мать: чёрный, с таким же белым коротким хвостом. Прозвали его Сироткой.

Чтоб Сиротка не пропал, его подложили кошке, у которой были маленькие, слепые котята.

Кошка сначала придиристо обнюхала Сиротку, а затем примирительно повертела хвостом, замурлыкала и лизнула щенка в нос. Сиротка вместе с котятками принялся сосать молоко.

Так и рос осиротевший щенок.

Однажды на Сиротку напали на улице бродячие рыжие собаки. Но тут откуда ни возьмись появилась кошка. Она сильным прыжком бросилась к собакам, схватила зубами Сиротку за спину и метнулась к ближайшему высокому пеньку. Цепляясь за шершавую кору острыми когтями, она

втаскивала щенка наверх и прикрывала его собой.

С того дня Сиротка ещё больше привязался к доброй кошке. Даже когда щенок вырос и стал большой чёрной собакой и заменил свою погибшую мать возле колхозной отары, он приходил во двор к старой кошке и молча клал ей на лапы свою голову.

ТРАВУШКА-СЧАСТЛИВУШКА

Ой, спи до обеда,
Пока я не приеду.
Принесу тебе, сыне,
Три травинки в корзинке.
Не с базара сеинного,
А из места иного.
Принесу три травушки
Из нашей дубравушки.

А первую травушку —
Сонливушку,
А вторую травушку —
Росливушку,
А третью травушку —
Счастливушку.

Люли,
Люли,
Люли,
Придетели гули
К маленькой Ганнуле.
Стали думать да рядить,
Чем Ганнуле угодить —
То ли кашей с молоком,
То ли бубличком
С медком,
То ли красным яблочком?

Ой, летала ты, кукушка,
С ветки да на ветку.
Стунулась в окошко,
Разбудила детку.

Замечательная украинская художница Мария Примаченко живёт в Киевской области, в маленьком селе Болотня. И хотя ей не пришлось учиться в художественных школах, имя её знают в Киеве и Москве, Париже и Лондоне. На её ярких, красочных полотнах мир необычен. Початки кукурузы превращаются в птенцов сказочной жар-птицы, а между рогами у бычка расцветает белая звёздочка прекрасного цветка.

Вечерами в доме у художницы собираются дети. Они рисуют, учатся народной живописи.

За работу с детьми Мария Примаченко награждена орденом Знак Почёта.

В зыбке спи, мой хороший,
Как в стручочке горошек.
Станут ветры прилетать
Да горошину качать.
Зашуршит горошинка.
Спи ты, мой хорошенький.

Перевод с украинского
и обработка В. ПРИХОДЬКО

Рисунки Марии ПРИМАЧЕНКО

ГОРОД ШУТОК

ГОРОД, ШУТОК

Перевёл с еврейского
Р. СЕФ

Но растаял
Город шуток
На глазах
У глупых уто

Но ты-то ведь хорошо понимаешь шутки? Сколько их на рисунке?

Если вы в квадратиках по горизонтали правильно напишете названия предметов, то в красных квадратиках получится слово, обозначающее самый быстрый вид транспорта.

**РОДИТЕЛЯМ, УЧИТЕЛЯМ,
ВОЖАТЫМ,
ВОСПИТАТЕЛЯМ!**

Просим вас ответить на вопросы и прислать ответы по адресу: Москва, А-30, Сущёвская, 21, «Мурзилка».

1. Сколько лет ребёнку, для которого выписан журнал?
2. Читаете ли вы журнал ребёнку? Или он сам читает?
3. Сколько дней журнал вызывает интерес?
4. Назовите лучшие, на ваш взгляд, рассказы, стихотворения, рисунки.
5. Что взяли вы из журнала для работы с октябрятами?
6. Назовите самый лучший и самый плохой номер года.
7. Что вы советуете журналу?

Заранее благодарим за помощь, которую вы окажете нам.

Редакция

Рисунок на обложке
Э. БЕНЬЯМИНСОНА, Б. КЫШТЫМОВА
«В МОСКВЕ ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ».

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казаков, М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рацке, В. Чижиков.

Художественный редактор Ю. Молчанов.

Технический редактор В. Лубнова.
Год издания сором второй. Цена 10 коп.
Подп. к печати 3/XI 1986 г. Вумага 84x108¹/₁₆.
Печ. л. 2 (3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 4 700 000 экз.
Знак 2049.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Суцёвская, 21.
Телефон Д 0-45-06.

СДЕЛАЙ САМ

Зоя Москаленко и Лена Кошкодамова из Целинограда просили нарисовать куклу и одежду для ней. Вашу просьбу, девочки, выполнила художница Т. Зуйкова. Она нарисовала русский, литовский, узбекский и украинский костюмы. Всё, что относится к русскому костюму (нокошник, банты для кос), обозначено буквой «Р», к литовскому — буквой «Л», к узбекскому — буквами «Уз», к украинскому — буквами «Ук».